

061988

2

1

9

TY-19-241-82

8

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—699

ДОКТОР СЬЮЗ

СЛОН ХОРТОН ВЫСИЖИВАЕТ ЯЙЦО

*Художник
А. Савченко*

—Ах, мне надоело! Ах, как я устала!—
ленивая Мейзи капризно шептала.—
Да я ни секунды бы здесь не сидела,
когда бы замену себе приглядела!

Тут Мейзи как раз увидала слона.
—Ах, здравствуйте, Хортон!—сказала она.
—Я так отсидела здесь левую ногу..
Быть может, тут вы посидите немного?

Слон Хортон ужасно смеялся в ответ:
—Ну что вы! На мне ведь ни пёрышка нет!
Ни крыльев, ни клюва... И, кроме того,
яйцо так мало! Я велик для него!

—Ну да... Вы довольно высокого роста...
Но вам беспокоиться не о чем. Просто
садитесь! Хотя вы не так уж малы,
но как вы мягки! Как нежны и милы!

—Ну, что ж... коли так... то попробовать
можно.

Я буду сидеть на яйце осторожно.

Я буду стараться его не сломать.

—До встречи!—пропела беспечная мать.

Исследовав дерево, прежде всего
слон Хортон подпорки нашёл для него.
—Пусть дерево будет надёжным и прочным.
Ведь тонны четыре во мне—это точно.

И слон осторожно полез по стволу.
Долез. Улыбнулся. Вокруг поглядел...
и сел на гнездо.

И сидел...
И сидел...
И днём он сидел, согревая яйцо,

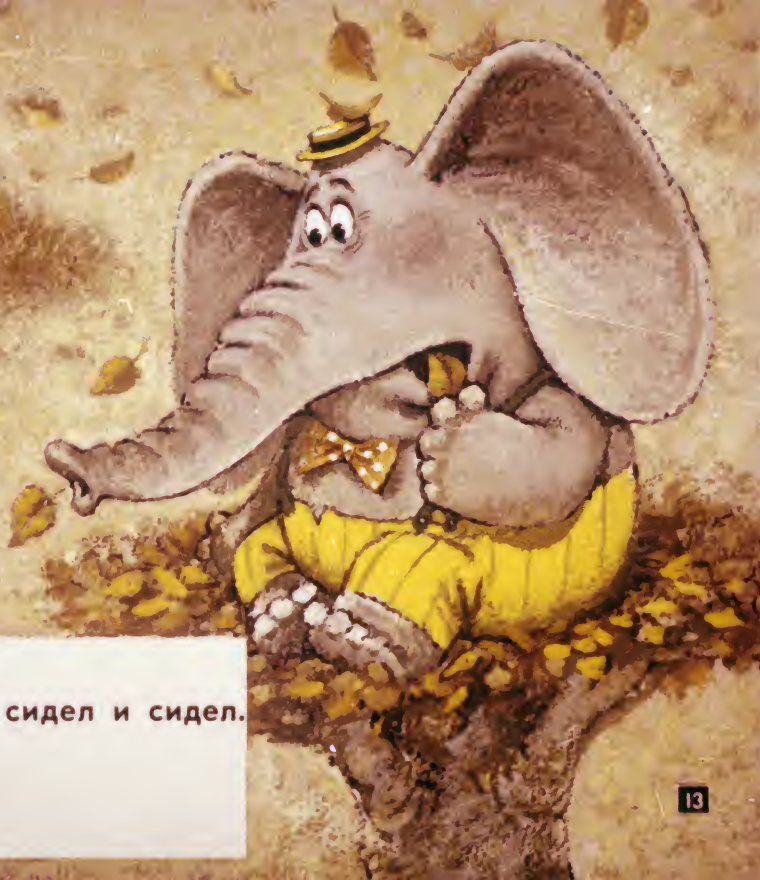
И ночью,
и ветры хлестали в лицо,
и молнии бились,
и гром грохотал...

—Погодка неважная...—слон бормотал.—
Мне мокро... и холодно... и... неприятно...
Скорее бы Мейзи вернулась обратно.

А Мейзи в то время на Пальмовом пляже
о милом гнезде и не помнила даже.
Решила она, что отныне ничто
её не заставит вернуться в гнездо.

А слон между тем всё сидел и сидел.
Вот осень настала.
И лес облетел.

Деревья надели свой зимний наряд.
На хоботе грустно сосульки висят...
А слон всё сидит и упрямо твердит:

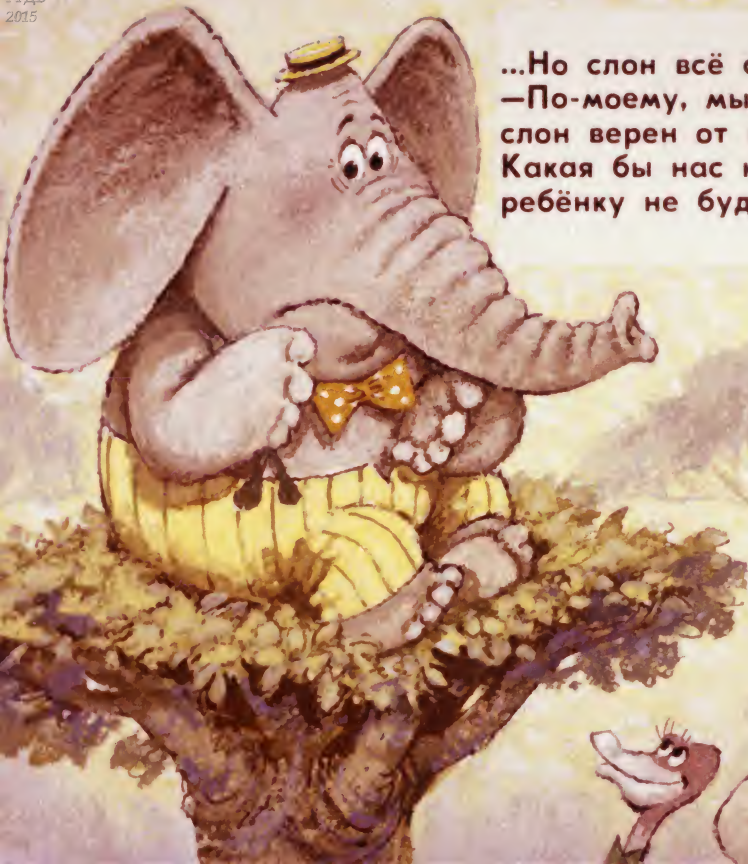
—Яйцо не замёрзнет!
Птенец победит!
По-моему, мысль моя очень проста:
слон верен от хобота и до хвоста.

Он так и сидел без травинки и сна,
пока, наконец, не настала весна.
Но беды иные с весной начались!
Все звери лесные вокруг собрались,

кричали, шумели, давились от смеха:
—Слон Хортон на дереве! Что за потеха!
Он, может, теперь и по небу летает?
Ведь он себя, кажется, птицей считает!

...Но слон всё сидел и упрямо твердил:
—По-моему, мысль моя очень проста:
слон верен от хобота и до хвоста.
Какая бы нас ни постигла беда,
ребёнку не будет, не будет вреда!

Пока он сидел, позабыв про покой,
такой терпеливый и добрый такой,
охотники медленно к гнезду
и ружья нацеливали на ходу.

И слон увидал из гнезда своего
три дула, нацеленных на него!
Бежал ли от страшной
 опасности слон?
Нет! Даже и с места
 не двинулся он.

...Охотники вовсе в него не стреляли.
И ружья из рук их на землю упали.
—Смотрите! Смотрите!—они закричали.
—Такого нигде мы ещё не встречали!

—На дереве—слон! Как забавно!
Как ново!
Ведь это неслыханно! Честное слово!
Не будем его убивать. Поощадим.
Мы в цирк подороже его продадим.

Телегу огромную соорудили,
беднягу слона на неё посадили,

и Хортон оставил родные места,
несчастный от хобота и до хвоста.

И к самым вершинам телега ползла,
и к самому небу телега везла
и ствол, и гнездо, и яйцо, и слона...
И к самому морю спустилась она.

И вот, помахав на прощанье земле,
слон Хортон качается на корабле.
Но гнёздам, и яйцам, и даже слонам
не так уж привычно сновать по волнам.

А шторм разгулялся! И не утихал.
И Хортон сидел и устало вздыхал:
—По-моему, мысль моя очень проста:
я гибну от хобота и до хвоста.

И так две недели. И так две недели...
Но вот они берег вдаль разглядели.

Подъёмного крана тугая стрела
слона и гнездо к небесам вознесла.
И ствол, и яйцо, и гнездо, и слона
в нью-йоркском порту опустила она.

И ствол, и яйцо, и гнездо, и слона
купила бродячая труппа одна.

И вот потекли бесконечные дни.
И люди глазели. Смеялись они.
За несколько центов всегда и везде
смеялись над странным слоном
на гнезде.

...И Хортон мрачнел, но с гнезда не сходил.
В шатре цирковом он печально твердил:
—По-моему, мысль моя очень проста:
слон верен от хобота и до хвоста.

Но цирк, продолжая свой долгий вояж,
приехал однажды на Пальмовый пляж.
И кто прилетел поглазеть на слона?
Бездельница Мейзи! Конечно, она!

—Ого... что за встреча...—она пропищала.—
Мне кажется, я вас когда-то встречала...—
Слон вздрогнул... и стал вдруг белее, чем мел!
Он что-то беглянке ответить хотел,

но хруст скорлупы балаган огласил!
В ней кто-то царапался что было сил!
И тут у слона просветлело лицо!
Он крикнул: «Моё дорогое яйцо!»

Но пискнула Мейзи: «Неправда! Ты лжёшь!
Ты—слон! И на птицу ничуть не похож!
И дерево это моё! И яйцо!
Ты лжёшь мне бессовестно прямо в лицо!»—
И бедному Хортону стало невмочь.
С тяжёлой душою он двинулся прочь.

Но тут разломилась совсем скорлупа—
и замерли Мейзи, и слон, и толпа...
Ведь то, что на свет из неё вылетало,
приветливо хоботом длинным мотало!

И хвостик слоновий, и уши,
и кожа—
всё страшно на Хортоне было
похоже!

И люди вокруг головами качали!
Они ликовали! Смеялись! Кричали!

—Смотрите! Ура! Новый вид! Слоно-птица!—
Но так и должно было это случиться.
Ведь молнии бились. И шторм бушевал.
А Хортон сидел и яйцо согревал.

И слон возвратился в родные места,
счастливый от хобота и до хвоста.

конец

Перевод с английского Т. МАКАРОВОЙ

Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

Художественный редактор В. ДУГИН

© Студия «ДИАФИЛЬМ» Госкино СССР, 1987 г.
103062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30
Д-079-87